

Санёк очень устал. Целый день как привязанный ходил следом за матерью. Очень хотелось домой, но у матери были другие планы. Побывали они на Кутузовском проспекте в художественном салоне, где Татьяна, мама его, покупала краски для работы, а заодно и сдала несколько штук готовых изделий. Потом они отправились в самый центр, на Кузнецкий мост, где мать в зоомагазине купила дафний для аквариума старшей дочери. Потом через Столешников, на углу которого долго стояли возле панорамного стекла знаменитого винного магазина, где из огромной бутылки шампанского бесконечной пенной струёй лилось игристое вино в огромный фужер (Санёк ещё очень удивлялся и тормозил мать: почему вино через край не льётся — затопит же всё?), поднялись в горку и дошли до улицы Горького. Оттуда пёхом добрались до Дегтярного переулка. Здесь, в старенькой коммуналке на третьем этаже, одиноко ютилась мамина подруга ещё с беззаботных шестидесятых — тётя Мария. Она работала билетёршей в театре эстрады и припасла для Татьяны контрамарку. Тётя Мария дала Саньку сладкого чаю и, как она сказала, по случаю Сочельника — шоколадный батончик и металлическую круглую коробочку с леденцами.

Как всегда неожиданно, тётя Мария предложила:

— Давай, подруга, вспомним дни золотые, махнём за наступающее Рождество! — и Санёк с испугом подумал, что теперь они надолго застрянут.

Но мать — ещё более неожиданно — решительно отказалась:

— Спасибо, Маша, в другой раз отметим.

— А что так? За покупками в «Елисейский» торопишься?

— Окстись, — на какие шиши гулять? Обещала Санечке предновогоднюю Москву показать и ёлками полюбоваться. К тому же надо, — чуть порозовела Татьяна, — нашего ангела-хранителя навестить.

— Ты к нему по несколько раз в году навдываешься. Думаю давно — втюрилась моя Танюха! Только смотри, у него же семья.

— Как тебе не совестно, Маша? Знаешь ведь, что только из благодарности за помощь, за заботу о дочерях и Санечке. Так что не продолжай, Мария, а не то поссоримся. Да и подумай, неужели я клинья подбивать буду к командиру моего Петеньки?

— Ладно, Танюха-горюха, не обижайся глупой шутке. Но я бы перед ним задом повертела. Ты вон какая красотка, ничего, что троих родила, а всё грудь не обвисла, как у молодой стоит.

Стали собираться.

Тётя Мария распахнула дверь в остро пахнущий борщом и потом длинный коридор. Татьяна ловко продела тёплые руки Санечки в рукавички на резинке, быстро обернула шарфом его шею.

Мария, вспомнив, добавила:

— Через два дня загляни, у меня для мальчонки ещё подарок будет — билет бесплатный к нам на ёлку. Администратор обещал и выполнит — он ко мне давно неровно дышит.

Подруги обнялись на прощание, и Татьяна с сыном вышли в сумеречный переулочек и, быстро миновав его, попали вновь на залитую светом улицу Горького, шумную от рёва проносащихся машин и толп спешащих за подарками в предновогодней суете людей.

Они перешли на другую сторону. Не торопясь, подолгу разглядывая витрины, в которых красовались хвойные красавицы, сверкающие бегающими огоньками лампочек, двинулись к площади Маяковского. Не избежав соблазна, зашли в роскошный кондитерский, но так ничего и не купили, а только раздражили аппетит. Потом Татьяна снова перевела сына через улицу, и, постояв минут десять в очереди, они подошли к окошку знаменитой на всю столицу «Пончиковой». Вскоре, торопясь, почти проглотили три обсыпанных сахарной пудрой, пышущих жаром и свежестью ароматных пончика.

Затем сели на троллейбус и долго-долго ехали до улицы со странным, как показалось Санечке, названием — «УКУСИ НЕНА». Пройдя по этой улице одну остановку, как пояснила Татьяна, к Песчаной площади, они подошли к большому зданию красного кирпича, свернули в арку, и мать оставила его возле центрального подъезда.

— Постой здесь недолго — я быстро, только поздравлю нашего с тобой ангела-хранителя и быстренько вернусь.

— А ты тюльпаны взяла? — осведомился Санёк. Он прекрасно помнил, что мать два раза в году — на 23 Февраля и перед Рождеством привозит генералу, или, как она называла его, ангелу-хранителю, живые тюльпаны, которые она умудрялась выгонять в горшках на подоконнике точно к этим праздникам.

— Конечно. Ведь за тем и ехали, чтобы вручить, — и Татьяна чуть приоткрыла пакет, показала Санечке завернутые в пуховый платок роскошные, яркие цветы — и быстро проскользнула в подъезд.

Отсутствовала она недолго, Санёк даже замёрзнуть не успел. Он знал, что мать отправилась поздравлять человека, которого заслонил и спас от гибели его отец, который уже несколько лет находился в коме в госпитале. Отец тогда был адъютантом начальника штаба дивизии. Тот тогда ещё в полковниках ходил. Именно он позже определил отца в лучший военный госпиталь в Москве, а семье помог перебраться в столицу, выхлопотав им небольшую квартиру на престижном Ломоносовском проспекте. Именно он все эти годы помогал Николаевым сводить концы с концами; он же помог устроить старшую сестру в школу. Однако Санёк никогда его не видел.

Вышла довольная, но слегка огорчённая.

— Опять денег дали — я-то отнекивалась, неудобно всё же, но настояли, наказали всем гостинцев купить, — говорила, словно оправдываясь, мать и показала Санечке пятисотрублёвку.

— Давай теперь по-праздничному отоваримся — и домой. Устал, наверное?

Санёк только кивнул в ответ. Она легко подхватила его и, перебежав через улицу, успела вскочить в подошедший автобус.

Оживлённая, Татьяна говорила сыну, что решила возвращаться домой через Пресню:

— Сначала зайдём в большой «Гастроном» за вкусненьким, а после по кольцу на метро до нашего Ленинского доберёмся.

Но на Красной Пресне не удержалась и решила «буквально на пару минут» заскочить в рюмочную (тогда много в Москве таких забегаловок пооткрывали — якобы для того, чтобы народ к культуре питья приучить). Действительно, прошло совсем мало времени, и, видимо, устыдившись, что Санечка опять её ждёт один,

она, наскоро проглотив рюмку водки и бутерброд с варёной колбасой, густо смазанной горчицей, метнулась к дверям. Выбежав, схватила сына и, приподняв, расцеловала, приговаривая:

— Прости, прости, не устояла... — от Татьяны противно и знакомо пахло горьким перегаром.

Санёк поморщился, но потом жалостливо провёл рукой ей по щеке.

В «Гастрономе» она купила целый батон «Любительской» колбасы, два разных сыра по 200 граммов, коробку шоколадных конфет, чай «со слонем», пышный наисвежайший ситный, четыре творожные ватрушки — Санёк было обрадовался, подумав, что всё — сейчас домой. Но Татьяна всё-таки завернула к винному отделу и взяла пару «Лимонада» и бутылку «Столичной».

Выйдя из метро «Парк Культуры», Татьяна сказала:

— Экономить не будем — поедем на маршрутке.

Вскоре они уже подходили к своему дому на Ломоносовском.

— Ну, ребятки, отметим Новый год! Всё яствами заставлено — прямо пир, — удовлетворённо сказала, оглядев накрытый стол.

Почаёвничали все вместе, по-семейному. Старшая сестрица — Ленка — отпросилась встречать Новый год с одноклассницами.

Татьяна ещё пару раз пропустила по рюмке и вскоре прилегла. Рядом положила малую, Ольгушу, и через несколько минут они на пару посапывали, забывшись в разных снах.

Санечка посидел, поглядел на них и отправился на кухню. Здесь он с ногами угнездил в старое, тёплое, обитое бархатом кресло (мать принесла, увидев, как его выносят на выброс). Вскоре, угревшись, он начал задрёмывать.

...Почему-то генерал, их ангел-хранитель, с помощью больших крыльев легко парил в воздухе. Наконец взлетел к самой макушке ёлки, под звезду, и уселся на верхнюю ветку.

Когда Санёк отряхнул последние капли беспокойного сна, большой круглый будильник торопливо показывал половину девятого.

«Как же мне хочется увидеть нашего Ангела живым, — подумал Санёк, — может, ещё успею добраться и поздравить. Дом помню, да и название улицы редкое — буду у людей спрашивать, где она. Только с пустыми руками нельзя». Решил собрать подарок.

Взял в комнате тканый мешочек, который ему вместе с красивыми черноморскими ракушками отдал друг по детсаду Вовка. Санёк положил туда три конфеты в обёртке, краснобокое яблоко, полученное от соседа, что торговал фруктами и овощами с уличного лотка; почти настоящий пистолет и пистоны к нему и, вздохнув, добавил к этим сокровищам ещё перочинный ножичек с блестящей перламутровой ручкой.

«Богато получилось, — подумал Санёк, — пусть Ангел теперь не думает, что мать дарит им цветы из-за денег».

Оделся самостоятельно и решительно вышел в подъезд с намерением отправиться в путь. На улице он несколько растерялся, вспоминая дорогу. Повезло. Рядом с их подъездом остановилось такси, и, пока весёлые пассажиры высаживались, Санёк быстро озадачил шофёра вопросом:

— Дяденька, скажи, как мне улицу УКУСИ НЕНА найти?

Водитель, вместо того чтобы ответить, сначала удивлённо пожал плечами, а затем, повернувшись, хитро спросил:

— Как, говоришь, называется? Укусинена?

— Ну да, — без тени сомнения ответил Санёк и добавил: — там ещё дом приметный — большой, красного кирпича.

— Знаю, знаю, — захохотал таксист, — только улица называется Куусинена. Тебе-то зачем?

— Там мой и мамкин Ангел-хранитель живёт.

— Это кто же такой?

— Генерал. Вот хочу его поздравить и подарок отдать, — показал Санька заветный мешочек.

— Но это далеко: за Москвой-рекой. Один собрался или с мамкой?

— Мать спит. Сам. Я взрослый уже. Скоро в школу пойду.

— Раз такой самостоятельный — уважаю и помогу. Довезу до метро и даже денег на проезд дам — вот целых пятьдесят копеек, чтобы тебе туда и обратно хватило. Слушай и запоминай: когда я тебя в метро посажу, выйдешь на «Спортивной» и там спросишь, какой автобус к Песчаной идёт, — там точно какой-то от Лужников ходит, местные подскажут, — я просто номера не знаю его, но есть, есть такой. На нём и доедешь до своей «Укусинена», — беззлобно хмыкнул водила и пригласил широким жестом в салон «Волги».

Прощаясь на платформе метро, ещё раз спросил:

— Всё крепко запомнил?

— Ага, — ответил твёрдо Санёк.

— Удачи тебе, пацан. Может, когда и увидимся, — произнёс таксист, — расскажешь, как своего Ангела навещал.

Дорога оказалась долгой. Но Санёк, строго следуя указаниям таксиста и расспрашивая прохожих, нашёл нужный автобус. Удобно устроившись у окна, он надышал порядочное окошко и внимательно вглядывался в сумеречную столицу. Потом всё-таки попросил водителя подсказать ему, где выходить.

Нашёл он и нужный дом, и знакомый подъезд. Долго не мог справиться с тяжёлой дверью. А когда попал внутрь — очутился перед столом, за которым сидел молодой парень в офицерской шинели.

— Тебе куда? — спросил он Саню.

— Мне Генерала надо поздравить.

— Фамилию скажи — здесь несколько генералов живёт.

— Он наш Ангел-хранитель, мать говорит. Помогает нам, защищает.

— Так это, скорее всего, Пётр Алексеевич?

— Ну да, верно. Будто сами сразу не знали.

— Хорошо. Мне хоть и не положено отлучаться с поста — провожу тебя. Пошли на второй этаж. Сам до звонка не дотянешься.

Поднявшись, подошли к большим дверям, из-за которых слышались весёлые голоса и звуки музыки.

— Гуляют люди, — с завистью сказал сопровождающий и, подтолкнув его к человеку, показавшемуся в дверном проёме, сказал:

— Никитин, к твоему — гость, поздравить пришёл.

— Проходи.

Санёк не колеблясь переступил порог, потом прошёл через большую прихожую, где на вешалке скопилось много шубок, пальто и шинелей.

Распахнулась широкая остеклённая дверь, и он был ошеломлён огромной, под самый четырёхметровый потолок, пушистой ёлкой, которая сверкала блестящими бусами, крупными и мелкими разноцветными шарами, хвастливо выставляла напоказ изумительные игрушки (до этого он никогда не видел стеклянного

богатыря с бородой, стеклянного самолёта и мотоцикла; в новинку были и усатый кот, и хрустальный гусь). Всё это великолепие ещё больше подчёркивали многочисленные гроздья серебряной и золотой мишуры. Гирлянда фигурных лампочек в виде машин, орехов, цветов, сказочных домиков совсем добила ошарашенного всем этим великолепием Саню.

— Что замер? Нравится? Чей будешь? — тормошил его плечо крупный мужчина с красивым густым басовитым голосом.

Немного растерявшись, Санёк ответил:

— Я сын Николаева — Санечкой мать зовёт. Очень хочу увидеть моего Ангела-хранителя. Он — Генерал. Носит штаны с широкими красными полосами. Я ему подарок вручу.

— Может, мне дашь, а я ему передам.

— Нет, мне только Генерал нужен!

— Ах, вон оно что. Евгеша, девочки, — крикнул он в сторону следующей комнаты, посередине которой видны были столы с закусками и фруктами. Там же находилось много нарядных женщин и оживлённых людей в офицерской форме и в штатских костюмах. И почти сразу оттуда появились три женщины — две молодые и одна в возрасте, с большой чёрной косой, уложенной в корону.

— Это мои жена и дочери, — произнёс большой человек, — а это, знакомьтесь: Санечка. Только ты, молодой человек, в следующий раз представляйся как положено: Александр, сын гвардии капитана Николаева, пришёл поздравить генерал-полковника Чернышёва. Ясно?

— Ага.

— Ладно, вы тут знакомьтесь. Ёлку получше осмотри. Дайте ему ножницы, чтобы непременно срезал конфет, мандаринов и орехов грецких. И вообще, выбирай любые украшения, игрушки. А я поищу твоего генерала.

— Пойдём с нами к столу — там много вкусного и весело, скоро танцевать будем.

— Нет, я лучше здесь останусь, — и Санёк принялся внимательно изучать красавицу ёлку. В конце концов он увидел, что хотел.

И в тот же момент в гостиной вновь появился крупный человек. Только теперь он был в генеральской форме и в брюках с лампасами.

— Генерал Чернышёв, — сказал, протягивая Санечке руку.

— Чего ж сразу не сказал? Я же не малахольный.

— Не обижайся, хотел как лучше — пошутить и сюрприз сделать, — оправдался генерал. — Выбрал игрушку? Почему ничего не срезал с ёлки?

— Не надо мне ничего. Только одну вещь хочу попросить.

— Что угодно, пожалуйста.

— Вон, на верхней ветке, — Ангел с крылышками. Его очень хочу.

— Зачем?

— На память. Ты мне такой приснился.

— А где же Татьяна? Она сегодня днём приходила — где она?

— Она дома, с малой спит (Санечка специально опустил подробности про мамкины рюмки — чего позорить?). Я не маленький — сам добрался.

— Настоящий мужчина, — восхищённо произнёс Чернышёв. — А теперь — к столу. Рождество — гости заждались...

— Не могу я — мать проснётся, испугается, пожалуй. Ведь я даже записки не оставил — торопился. Добираться долго. Надо собираться. Только ты Ангела достань, раз пообещал.

Вскоре по просьбе генерала принесли прочную стремянку, и Чернышёв, взобравшись до половины высоты ёлки, дотянулся и ловко срезал игрушечного серебристого ангела с пуховыми крыльями. Он протянул его Санечке и сказал:

— На добрую память. О матери не тревожься — успеешь. Но сначала поспрадишь.

Санёк был посажен за стол на почётное место рядом с генералом, который отрекомендовал его гостям. Больше, чем на салаты, мясо, он налегал сначала на непривычную для него красную икру и на пузырящийся очень вкусный «Швепс». Потом он с удовольствием попил чайку, застеснявшись, правда, и отказавшись от второго куска торта-суфле. Зато набил полные карманы конфет — угощали его все, тем более узнав, что он сын Николаева.

От шума, персонального внимания и обильного угощения Санечка утомился и как-то незаметно, выйдя в гостиную, неожиданно заснул на скамейке возле ёлки.

Проснулся он на крепких руках майора Никитина — нынешнего генеральского адъютанта. Чернышёв велел ему взять машину и доставить Санечку до двери квартиры.

...Неумолимо быстро летит время. Отец скончался в коме, так и не приходя в себя. Татьяна «сгорела», не сумев оставить ежедневную рюмку. Давно уже нет ни генерала Чернышёва, ни его приветливой жены Евгении, постарели их дочери, с которыми сложились дружеские отношения.

Он сам теперь — поседевший генерал-майор, прошедший не одну горячую точку. Давно и он для многих Ангел-хранитель, помогающий сиротам, особенно из военных семей, поступать в кадетские корпуса, просто заботящийся о воспитанниках детских домов. Фигурка Ангела порядком поистерлась, кочуя вместе с ним, и сейчас стоит на письменном столе. Он засмотрелся на белоснежного Ангела и не услышал, как в комнату бесшумно вошла жена, подойдя, наклонилась и поцеловала его в щёку. Следом вихрем ворвались внуки.

— Баба, деда, — гомонили они, — пойдёмте к ёлке.

— Тихо, не шумите — деда устал и задремал.

СКАЗОЧНИК

Мне посчастливилось быть свидетелем рождения сказочника. Шёл 2013-й. Уже целый год я был главным редактором православной газеты «Дари Добро», сверхзадачей которой было помогать читателям в суровых испытаниях нашего времени. Старательно отбирал для неё такие материалы, в которых было что-то полезное и утешительное. И постоянно искал новых авторов, которые работают не для себя, хороших, а для любимых читателей, стараюсь ободрить их, поддержать, указать выход из «безнадёжного» положения.

Я знал, что такими качествами обладает Борис Фёдорович Бычков — репортёр 60–70-х годов, работавший корреспондентом газеты «Труд», когда у неё было 18 миллионов подписчиков. Борис редактировал две, может быть, самые читабельные рубрики: «Последняя колонка» и «Отвечаем на вопросы читателей». Дело ответственное это, как маятник, — одна из них была ежедневная; вторая — еженедельная. Но неутомимый характер постоянно звал в дорогу, и, на удивление, Борис находил время для командировок. Поэтому и изъездил всю страну от Бреста до Камчатки и от Диксона до Ташкента. Я попросил его прислать мне по электронной почте что-нибудь утешительное. Ожидал от него получить нечто публицистическое, злободневное, а он прислал... сказки.

Чем могут быть полезными взрослым читателям детские забавы? Но прочитал сказки — и умилился: в них был прежний Борис Бычков — добрый и умный, сильный и великодушный, честный и... наивный. Но в новом жанре эти качества стали ещё более яркими и трогательными.

Особенно хороши были сказки о любви и рассказы и сказки о животных, в которых ненавязчиво показывались красота и привлекательность лучших человеческих качеств: жертвенной любви, верной дружбы, мужества защитников родной земли и других. Я с радостью стал публиковать эти вещи в «Дари Добро», получая благодарные отзывы читателей. Так из публициста родился сказочник, который поистине дарил людям Добро.

Почему его сказки так трогают сердца читателей? Я понял это, побывав в гостях у Бориса. Он живёт в квартире один, передвигается на ходунках или на инвалидной коляске. Ноги и левая рука почти не слушаются Бориса после нескольких инсультов и операций. Хорошо работает только правая рука — и ею он пишет сказки. Сидя за столом, заваленным бумагами и лекарствами, сказочник неловко водит авторучкой по белому листу, а потом набирает текст на компьютере, тыкая в клавиатуру пальцами правой руки. Его доброе мудрое лицо светится радостью, когда он погружается в свой прекрасный сказочный мир, забывая об ужасах окружающей действительности.

Нет у него любимых! Двадцать лет назад, в 1997 году, умер в расцвете лет единственный сын Денис: оторвавшийся тромб закупорил сердечный сосуд. Жена Евгения потеряла смысл и радость жизни. И через десять лет страданий, в 2007 году, умерла от рака.

Светлой памяти любимых жены и сына Борис посвятил многие сказки. Имена Евгеша и Дениса часто встречаются в них в самых благородных образах, в том числе под видом животных. Например, прекрасная и мудрая лебедь Евгеша из сказки «Соколиная любовь».

Лебединая любовь стала лейтмотивом многих его сказок: умение восхищаться красотой и умом любимого, стремление помогать ему и жертвовать собой ради него, радость строительства своего гнезда и воспитания детей, невозможность жить после потери кумира. Как известно, овдовевшие лебеди кончают жизнь самоубийством, но Борис, как верующий человек, не даёт им совершить смертный грех: падая на землю из поднебесья, они умирают от разрыва сердца. Все эти чувства Борис выстрадал — вот почему они так трогают сердца читателей. Недаром одна из его книг, изданная в Германии, называется «Лебединые слёзы».

Но, потеряв любимых, Борис выжил. Меня радостно удивила великая сила жизни журналиста, ставшего сказочником, который, при его сверхчувствительности, смог выдержать тяжелейшие удары судьбы и остаться на этом свете. Первое время я убеждал Бориса, что он должен жить ради читателей, чтобы они стали для него родными и близкими. Без его мудрости и оптимизма им

плохо будет на этом свете — он должен их поддерживать своими сказками. Борис соглашался, хотя жизнь стала для него сплошным мучением — каждое движение вызывает боль. Хорошо было бы «убежать» на тот свет, где вечный покой, — но он жертвует собой, продолжая мучиться ради любимых подобно своему сказочному герою.

Чтобы жизнь продолжалась, когда жить, казалось бы, невозможно, надо поставить перед собой высокую цель и стремиться к ней изо всех сил. Чудесное продолжение жизни безнадежно больного свидетельствует о том, что Борис воистину возлюбил ближних — своих читателей. И ответная любовь, молитвы тысяч людей, которые чувствуют, что писатель своим творчеством хочет помочь им, удерживают его на Земле.

По сути, я стал свидетелем неформального эксперимента: умирающий от горя, болезней и травм неожиданно обрёл духовные и физические силы для продолжения жизни, потому что оттеснил свои страдания великой радостью жизни для людей. И, наверное, это главное, чему могут поучиться читатели его сказок.

Читайте Бориса Бычкова — продлевайте его жизнь.

*Михаил Алексеевич ДМИТРУК —
главный редактор газеты «Дари Добро»*